Gruzdev, I. A.

Илья Груздев

ГОРЬКИЙ

Биография

ОГИЗ
Государственное издательство
Художественной литературы
Москва · Ленинград
1946

1

Алексей Максимович Пешков (Максим Горький) родился /28 марта 1868 года в Нижнем-Новгороде от брака Ма-има Савватиевича Пешкова, столяра мастерских Волжского ароходства, с мещанкой Варварой Васильевной Кашириной. М. С. Пешков был, несомненно, человеком способным и рошо грамотным: еще очень молодым, двадцати двух лет, получает от Волжского пароходства должность управляю-его пароходной конторой в Астрахани. Но в этом городе ешковы прожили недолго. Через год, в 1872 году, Максим ватиевич умирает от холеры, и после его смерти вдова четырехлетним сыном возвращается на родину, в Нижний, дом своего отца, Василия Васильевича Каширина, владель-красильного заведения.

Здесь началась для мальчика новая жизнь, в корне от-чная от дружной и складной жизни Пешковых в Астра-ни. Безоглядное озорство, драки, издевательство над сла-ми, бессмысленная, пьяная жестокость — черты быта мел-го мещанства того времени. Этот быт царил и в семействе аширина, хозяина предприятия, в котором работали и два взрослых сына. Развитие механической хлопчатобумажной омышленности и распространение ситцевых фабрикатов тесняли в ту пору ручное домашнее ткачество, а вместе ним и красильный промысел такого же типа. Этот процесс жело давил на семью Кашириных, вызывая отчаянные по-тки каждого из рабочих членов семьи удержать для себя гатки когда-то выгоднейшего предприятия, вызывая жесто-е свары и драки.

Только одно лицо в семье Кашириных выделялось как етлое явление на общем мрачном фоне жестокого быта. о была бабушка Горького, Акулина Ивановна Каширина,

1

Алексей Максимович Пешков (Максим Горький) родился /28 марта 1868 года в Нижнем-Новгороде от брака Ма-има Савватиевича Пешкова, столяра мастерских Волжского ароходства, с мещанкой Варварой Васильевной Кашириной. М. С. Пешков был, несомненно, человеком способным и рошо грамотным: еще очень молодым, двадцати двух лет, получает от Волжского пароходства должность управляю-его пароходной конторой в Астрахани. Но в этом городе ешковы прожили недолго. Через год, в 1872 году, Максим авватиевич умирает от холеры, и после его смерти вдова четырехлетним сыном возвращается на родину, в Нижний, дом своего отца, Василия Васильевича Каширина, владель-красильного заведения.

Здесь началась для мальчика новая жизнь, в корне от-чная от дружной и складной жизни Пешковых в Астра-ни. Безоглядное озорство, драки, издевательство над сла-ми, бессмысленная, пьяная жестокость — черты быта мел-го мещанства того времени. Этот быт царил и в семействе аширина, хозяина предприятия, в котором работали и два взрослых сына. Развитие механической хлопчатобумажной омышленности и распространение ситцевых фабрикатов тесняли в ту пору ручное домашнее ткачество, а вместе ним и красильный промысел такого же типа. Этот процесс жело давил на семью Кашириных, вызывая отчаянные по-тки каждого из рабочих членов семьи удержать для себя атки когда-то выгоднейшего предприятия, вызывая жесто-е свары и драки.

Только одно лицо в семье Кашириных выделялось как етлое явление на общем мрачном фоне жестокого быта. о была бабушка Горького, Акулина Ивановна Каширина,

эпический, незабываемый образ которой он дал в своей автобиографической повести «Детство».

А. И. Каширина в молодости была балахнинской кружевницей, кружевницы эти славились в равной мере и своим ремеслом и своими песнями. Память ее удерживала огромное количество стихов, и мальчик любил слушать ее, когда она сказывала о том, как «богородица ходила по мукам земным, как она увещевала разбойницу князь-барыню Енгалычеву не бить, не грабить русских людей; стихи про Алексея Божьего человека, про Ивана Воина; сказки о премудрой Василисе, о Попе-Козле и божьем крестнике; страшные были о Марфе-Посаднице, о бабе Усте, атамане разбойников, о Марии-грешнице египетской, о печалях матери разбойников...»

Бабушка сроднила его с народным творчеством, его поэтическими образами и глубокими мыслями. А по высокому строю своей души она на всю жизнь осталась для Горького, по его словам, «другом самым близким сердцу, самым понятным и дорогим человеком».

Мать не имела большого влияния на жизнь сына. Она подолгу уходила из семьи Кашириных, оставляя его на попечении деда. Шести лет Горький обучался у него церковнославянской грамоте по Псалтырю и Часослову, так учили еще во времена Удельной и Московской Руси. Дед был доволен успехами внука, находя, что память у него «лошадиная», — колоритные сцены этого обучения даны в «Детстве».

Однако и мать приложила свою руку к его обучению. В одно из своих возвращений в семью, когда старик Каширин уже разделился со своими сыновьями, Варвара Васильевна энергично принялась учить сына на свой лад. «Купила книжки, — вспоминал Горький, — и по одной из них — «Родному Слову» [1] — я одолел в несколько дней премудрость чтения гражданской печати, но мать тотчас же предложила мне заучивать стихи на память, и с этого начались наши взаимные огорчения... Она стала требовать, чтоб я все больше заучивал стихов, а память моя все хуже воспринимала эти ровные строки, и все более росло, все злее становилось непобедимое желание переиначить, исказить стихи, подобрать к ним другие слова... ненужные слова являлись целыми роями и быстро спутывали обязательное, книжное». Эта борьба с книжными стихами была первым словесным творчеством Горького в очень неудобной для автора обстановке, сопровождавшимся недовольством и наказаниями.

[1] «Родное Слово» — книга для начального обучения в земских школах, составленная знаменитым русским педагогом К. Д. Ушинским. *И. Г.*

В то же время словесность не книжную, народную, ту, что он слышал от бабушки, — сказки, были и песни, — Горький запоминал легко и в очень больших объемах. Когда в 1878 году нижегородский епископ Хрисанф приехал на урок в Слободско-Кунавинское начальное училище, он с удивлением отметил ученика Пешкова Алексея, который мог ему на память говорить стихами народные сказания и жития.

Слободско-Кунавинское училище, в котором учился Горький в течение зимы 1877—78 г., было типичной для того времени «приходской» школой для городской бедноты, — последним низшим звеном в сословной образовательной системе буржуазно-дворянской России. Но и эта, первая для Горького, ступень обламывалась, — в жизнь его все более мощно вторгалась улица. Когда-то богатый красильщик к этому времени совершенно разорился и был «деклассирован» вконец. Он жил теперь в беднейшей части города, за рекой, в Кунавинской слободе, снимая тесную каморку, и, находясь на пороге нищенства, превратился в несусветного скрягу.

Чтобы как-нибудь помочь бабушке, мальчик промышлял ветошничеством: по праздникам и в будни после школы отправлялся по дворам и улицам Кунавинской слободы собирать говяжьи кости, тряпки, бумагу, гвозди.

По окончании года учения Горький получил в награду Евангелие, басни Крылова в переплете, книжку без переплета с «непонятным» названием «Фата-Моргана» и похвальный лист.

«Когда я принес эти подарки домой, дед очень обрадовался, растрогался и заявил, что все это нужно беречь и что он запрет книги в укладку к себе. Бабушка уже несколько дней лежала больная, у нее не было денег, дед охал и взвизгивал: — Опиваете вы меня, объедаете до костей, эх вы-и... — Я отнес книги в лавочку, продал их за пятьдесят пять копеек, отдал деньги бабушке, а похвальный лист испортил какими-то надписями и тогда вручил деду. Он бережно спрятал бумагу, не развернув ее и не заметив моего озорства».

Этот похвальный лист сохранился. Среди прочих «озорных» надписей поверх текста, гласившего, что училище «одобряет отличные пред прочими успехи в науках ученика Алексея Пешкова», написано: Наше свинское Кунавинское, — это первое, что дошло до нас, написанное рукою Горького.

На этом Горький и расстался с училищем, «курса в оном по бедности не окончил», как значилось впоследствии в документах о нем.

Осенью 1878 года его отдают в «мальчики» при магазине обуви купца Порхунова на Большой Покровской улице, главной улице Нижнего. Помимо службы в магазине, он исполнял и всякую домашнюю работу, как это водилось у лавочников. Прослужив зиму, он обварил себе руки кипящими щами, и таким образом первая его служба «в людях» кончилась больницей.

Новое место для него нашлось в семье чертежника и подрядчика строительных работ Сергеева. Ремеслу чертежника его, однако, не учили, а вместо того исполнял он обязанности горничной, судомойки и мальчика на посылках у двух сварливых баб-хозяек. Горький чистил самовар и медную посуду, по субботам мыл полы во всей квартире и обе лестницы, колол и носил дрова для печей, чистил овощи, нянчил детей, ходил с хозяйкой по базару, таская за ней корзину с покупками, служил на побегушках. «Работал я много, — вспоминал он, — почти до отупения, будни и праздники были одинаково загромождены мелким, бессмысленным, безрезультатным трудом».

Режим дома Сергеевых и обилие работы не позволяли Горькому отлучаться из дому. Но хозяева заставляли его ходить в церковь, и случилось так, что церковь стала почти единственным местом, где он был предоставлен самому себе. Но выстаивая долгие всенощные и обедни, он не молился, а сочинял свои «молитвы», — сами собой, без усилий, слова слагались в стихи о том, что скучно ему, «хоть бы уж скорее вырасти», что «жить — терпенья нет», что «из ученья — не выходит толку», что хозяйка, «чортова кукла», «рычит волком» и что «жить — очень солоно».

И разговор с хозяевами «зуб за зуб», и взрывы ребячьего озорства, и страстные молитвы-жалобы, и горячие неясные мечты где-нибудь в темном углу церкви, — все это было способом отстоять себя, свою личность в этой обезличивающей, мутной жизни. А свою пытливость к миру он мог удовлетворять тоже своеобразно, когда стояние за всенощной ему удавалось заменять прогулками под зимними звездами среди пустынных улиц города: можно было смотреть в окна нижних этажей, если они не очень замерзли и не занавешаны были изнутри.

«Много разных картин показали мне эти окна: видел я, как люди молятся, целуются, дерутся, играют в карты, озабоченно и беззвучно беседуют, — предо мной, точно в панораме за копейку, тянулась немая, рыбья жизнь». Дома же он жил «в тумане отупляющей тоски», там «застывшее однообразие речей, понятий, событий вызывало только тяжкую и злую скуку». «Иногда мне думается: надо убежать. Но стоит окаянная зима, по ночам воют вьюги, на чердаке возится ветер, трещат стропила, сжатые морозом, — куда убежишь?»

Весной он убежал. Стыдясь вернуться к бабушке, которой он обещал «потерпеть, пока окрепнет», Горький не пошел домой, а очутился на набережной широко разлившейся, весенней Волги. Там и стал он жить, питаясь около крючников и ночуя с ними на пристанях. Там же он нашел себе новое место — «младшего посудника» на пароходе, делавшем рейсы между Нижним и Пермью. На его обязанности лежало: мыть посуду, чистить ножи и вилки от шести часов утра до полуночи.

Здесь Горькому посчастливилось: его непосредственный начальник, пароходный повар, стал его «первым учителем».

2

Гвардии отставной унтер-офицер Михаил Акимович Смурый имел большое пристрастие к книге и всегда возил с собой сундук, содержавший, по словам Горького, «самую странную библиотеку в мире». Эккартсгаузен лежал рядом с Некрасовым, Анна Радклиф — с томом «Современника», тут же была «Искра» за 1864 год, «Камень веры» и книжки на украинском языке. Все это без особого выбора Смурый заставлял Горького читать ему вслух. Страстный любитель книги, Смурый, однако, плохо разбирался в ней. Больше всего у него было книг XVIII века, «те уже никому не нужные книги, которые подсовывали малограмотному читателю жуликоватые букинисты», — по замечанию В. А. Десницкого. Но важно было то, что Смурый своей бескорыстной приверженностью к книге возбудил у Горького огромный интерес к чтению, заставил его «убедиться в великом значении книги и полюбить ее».

Среди книг Смурого попадались и произведения классической литературы. Так, потрясающее впечатление на чтеца и на слушателя произвела повесть Гоголя «Тарас Бульба».

Встреча со Смурым оказала глубокое влияние на жизнь Горького. Страсть к чтению с тех пор не оставляла его. Вернувшись на службу к Сергееву, он стал теперь читать все, что попадалось под руку. Эта страсть принесла ему и небывалые наслаждения и много тяжких обид. В доме Сергеева